Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 89-109
DOI: 10.66224/iarll.25.5
Article No.: 25.51.202502.89109 *Scientific Article*

TRANSLATION OF "RUSTAM AND ZOHRAB" BY VASILY ZHUKOVSKY AS A PHENOMENON OF TRANSCULTURAL COMMUNICATION

Poplavskaya Irina Anatolyevna[1*]
Professor, Tomsk State University,
Tomsk, Russia

(date of receiving: August, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

The concept of transcultural communication implies going beyond the boundaries of one culture and forming a special "transitional" space, in which different national cultures, different types of art, and texts in different languages meet. As a result, there emerges a special multicultural field, in which the individual, while preserving a national identity, is open to the influence of diverse cultural practices. Zhukovsky translated the piece "Rustam and Zohrab" from Firdausi's epic *Shah-nameh* in 1846–1847 in the process of transcultural communication. The work on the translation went in several stages. Zhukovsky first read the Persian epic in a German retelling by the critic and publicist Johann Joseph Görres (Gorres, J. J. (1820). *Das Heldenbuch von Iran aus dem Schah Nameh des Firdussi*. Berlin: Reimer). Zhukovsky further read another German version of "Rustam and Zohrab" translated in verse by Friedrich Rückert (Rückert, F. (1838). *Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Buchern*. Erlangen: Th. Biasing). This book has been preserved in the poet's book collection with his numerous notes in it. Zhukovsky's translation of "Rustam and Zohrab" is a free imitation of Rückert. Its central episode is the duel between father and son. Zhukovsky enhanced the ethical pathos of Rückert's poem in the translation, depicting a live human in the supreme ruler. Zhukovsky also introduced new episodes into the translation: the appearance of the maiden Gurdaferid before the dying Zohrab and presentation of the horse with the Zohrab. In these fragments, Zhukovsky largely relies on the leading images and motifs of his romantic lyrics and the tradition of Russian folk tales. Thus, Zhukovsky's version of "Rustam and Zohrab" as a transcultural translation is based on an episode from Firdausi's Persian epic written in Farsi, which the Russian poet perceived through the German language. The German source was the basis for the Russian translation.

Keywords: Persian Poetry, Zhukovsky, Transcultural Communication, Translation.

---

1. E-mail: lady-plvs@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-1918-2866 * Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 89-109
DOI: 10.66224/iarll.25.5
Article No.: 25.51.202502.89109 *Статья научная*

ПЕРЕВОД В.А. ЖУКОВСКОГО «РУСТЕМ И ЗОРАБ» КАК ЯВЛЕНИЕ ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Поплавская Ирина Анатольевна[1*]
Профессор, кафедра русской и зарубежной литературы Томского государственного университета,
Томск, Россия

(дата получения: август 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

Понятие транскультурной коммуникации подразумевает выход за пределы одной культуры и формирование особого «переходного» пространства, в котором встречаются разные национальные культуры, разные виды искусств, тексты на разных иностранных языках. В результате формируется особое поликультурное поле, в котором личность, не утрачивая своей национальной идентичности, оказывается открыта воздействию многообразных культурных практик. Перевод Жуковским отрывка «Рустем и Зораб» из эпоса Фирдоуси «Шах-наме», выполненный в 1846−1847 гг., рождается в процессе транскультурной коммуникации. Работа над переводом включает в себя несколько этапов. Общее знакомство русского поэта с содержанием персидского эпоса в пересказе на немецкий язык критика и публициста Йозефа Гёрреса (Gö rres J.J. Das Heldenbuch von Iran aus dem Schah Nameh des Firdussi. Berlin. Reimer, 1820). Чтение на немецком языке отрывка «Ростем и Сохраб», переведенного стихами Фридрихом Рюккертом (Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Büchern von Friedrich Riickert. Erlangen, Th. Biasing, 1838). Эта книга сохранилась в библиотеке поэта с его многочисленными пометами. Перевод Жуковского «Рустем и Зораб» является вольным подражанием Рюккерту. В нем центральным оказывается эпизод поединка отца с сыном. Жуковский усилил в переводе этический пафос поэмы Рюккерта, показав живое лицо эпического героя, изобразив человека в верховном правителе. Русский поэт внес новые эпизоды в перевод – это явление девы Гурдаферид умирающему Зорабу и прощание коня Зораба с ним. В этих фрагментах Жуковский во многом опирается на ведущие образы и мотивы своей романтической лирики и традицию русских народных сказок. «Рустем и Зораб» Жуковского как транскультурный перевод основывается на эпизоде из персидской эпопеи Фирдоуси, воспринятой им через посредство немецкого языка. Немецкий же источник послужил основой для русского перевода.

Ключевые слова: персидская поэзия, Жуковский, транскультурная коммуникация, перевод.

---

1. E-mail: lady-plvs@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-1918-2866 * Ответственный автор

Введение

Понятие транскультурной коммуникации подразумевает выход за пределы одной культуры и формирование особого «переходного пространства», в котором встречаются разные национальные культуры, разные виды искусств, художественные тексты на разных иностранных языках. В процессе транскультурного взаимодействия акцент делается не на взаимном культурном обмене ценностями, а «на «переходе» одного культурного опыта в другой, переформатировании существующих культурных ценностей и реалий» (Пучковская, Третьяков 2018. 33). В результате возникает особая поликультурная сфера общения, в которой личность, не утрачивая своей национальной идентичности, оказывается открыта по существу всей мировой культуре. В этом смысле перевод Жуковским (1783−1852) фрагмента «Рустем и Зораб» из эпопеи Абуль Касима Фирдоуси «Шах-наме» через посредничество западноевропейской культуры и ее ценностного «переформатирования» рассматривается как характерное явление транскультурной коммуникации.

Основной текст

В середине 1840-х гг. Жуковский задумал осуществить широкий культурный проект – создать собрание повестей для юношества из произведений мировой литературы, которое могло бы служить образцом действенной гуманистической проповеди. В это собрание должна была войти и «персидская повесть» «Рустем и Зораб», взятая из эпопеи Фирдоуси «Шах-наме». В ней «в форме сказаний о последовательно сменяющих друг друга династиях, о царях и богатырях, изложена история иранских народов» (Гликман, Измайлов 1980. 567). Подготовка Жуковского к переводу фрагмента «Рустем и Зораб» (1846−1847) включает в себя несколько этапов.

В 1810-е гг. в журнале «Вестник Европы» были опубликованы отдельные отрывки переводов в прозе из «Шах-наме», выполненные с французского

языка (Отрывки персидской поэзии 1815. 89–99). Жуковский, будучи редактором «Вестника Европы» в 1808–1810-х гг. и продолжая следить за публикациями этого периодического издания, по всей видимости, был знаком с ними. В 1820 г. немецкий критик и публицист Йозеф Гёррес (1776–1848) издает готовившийся им много лет прозаический пересказ «Шах-наме». Для этого немецкий автор специально изучил персидский язык (Михайлов 2000. 226). Этот пересказ спустя некоторое время стал широко известен в России. Современник Жуковского, поэт и прозаик А. А. Бестужев-Марлинский (1797–1837) писал о творчестве Фирдоуси: «… сладкозвучный Фердуси плавит в радугу предания Персии и связывает ею истину с вымыслами. Говорю о «Шах-наме» (повесть царей)… <…> Фердуси – о, это водопад Державина!» (Бестужев-Марлинский 1983. 74). Поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер (1797–1846) в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824) отмечал: «… Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей» (Кюхельбекер 1979. 458). В письме к А.С. Пушкину (1799–1837) от 3 августа 1836 г. Кюхельбекер просит поэта: «Книг пришли мне: <…> Ша-Наме на немецком («Гёрреса») (Переписка Пушкина 1982. 249). Книга Гёрреса на немецком языке имелась и в библиотеке Жуковского (Библиотека Жуковского 1981. 167).

Следующий этап связан с обращением Жуковского к вольному стихотворному переводу отрывка из поэмы Фирдоуси, выполненному немецким поэтом и ученым-востоковедом Фридрихом Рюккертом (1788–1847). Перевод Рюккерта под названием «Ростем и Сохраб» вышел в свет в 1838 г. (Rückert, F. 1838). Данное издание с многочисленными пометами Жуковского сохранилось в его библиотеке (Библиотека Жуковского 1981. 273). Именно с него русский поэт сделал свой перевод. Выбрав для перевода

эпизод поединка отца с сыном, немецкий автор пытался таким образом познакомить современного европейского читателя с поэмой Фирдоуси в стихотворном переводе, раскрыть ее героическое, мифологическое и драматическое содержание. Жуковский же в большей мере стремился «приблизить древний героический эпос к эстетике романтизма, «одушевить» этот эпос, наполнить его нравственной проблематикой» (Рахманов 2018. 19).

При первой публикации произведения в 1849 г. оно имело следующее заглавие: «Рустем и Зораб. Персидская повесть, заимствованная из царственной книги Ирана (Шах-Наме). Вольное подражание Рюккерту». Основным в переводе Жуковского оказывается мотив странствия героев, а также описание человеческого лица эпических персонажей, их внутренних переживаний, преломляющихся через тему отца и сына и столкновение Ирана с Тураном. Поэтому изображение «внутреннего человека», психологическое описание страстей, драматизм национальных, социальных и этических отношений активно включаются русским поэтом в эпическое повествование (Янушкевич 2010. 309).

Важно отметить, что Жуковский при переводе изменяет само условие встречи Рустема с Зорабом, рожденным от туранки. Его сын перед встречей с отцом должен прославиться: «Нас породнит одна лишь только слава» (Жуковский 2010. 171). Этого условия нет в тексте Фирдоуси. В поэме «Шах-наме» Рустам говорит Тахмине в случае, если у нее родится сын:

«Пусть будет в Сама ростом и дородством,
В Нейрама мужеством и благородством,

Пусть будет мил он солнцу, пусть орла
Средь облаков пронзит его стрела.

Пусть он игрою битву львов считает,
Лица от битв слонов не отвращает» (Фирдоуси 1980. 141).

Здесь внимание акцентируется на родословной Рустама, восходящей к его деду, богатырю Саму. Героические подвиги Сама, его сына Заля, отца Рустама, и самого Рустама и должен продолжить Сохраб.

Русский же переводчик говорит об испытании героев славой. Как пишет современный исследователь, «в поэме Жуковского желание Рустема увидеть сына прославленным определяет трагическую судьбу Зораба, а также и трагедию самого Рустема, принесшего сына в жертву славе» (Матяш 1978. 126). Это условие затем трижды повторяется в «персидской повести» Жуковского. Вначале о нем говорит Рустем, затем Темина, обращаясь к сыну:

«Но ведай наперед, Зораб,
Что на глаза ему явиться
Не иначе ты можешь, как прославясь
Великим делом богатырства;
<…> Вас породнит одна лишь только слава…» (Жуковский 2010. 173),

потом сам Зораб в разговоре с Хеджиром в книге третьей:

«… Узнай же: я Зораб,
Сын царской дочери Темины
И многославного Рустема;
Пришел в Иран знакомиться с отцом;
По славе дел Рустем узнает сына» (Жуковский 2010. 183)

и в диалоге с Баруманом в книге восьмой:

«… Если он
Рустем, то я еще ему в глаза
Сказать не смею: я твой сын!

То им самим запрещено;

Лишь слава даст на то мне право» (Жуковский 2010. 260).

Как пишет современный исследователь эпопеи Фирдоуси, в ней главной философской идеей оказывается борьба добра и зла: «Силам добра, возглавляемым верховным божеством Ахурамаздой, противостоят полчища злых сил, главой которых является Ахриман. Иранцы в «Шах-наме» олицетворяют доброе начало, их враги – злое» (Гафуров 1980. 9). В эпопее данный эпизод связан с тем, что Иран побеждает в борьбе с Тураном, благодаря Рустаму. Пытаясь погубить его, Ахриман готовит гибель Рустаму от руки его сына Сохраба. Однако Рустам, убив сына и «готовый в безумном порыве убить себя», остается жить и вновь «разрушает все надежды туранцев» на победу (Стариков 1957. 566). Основная же идея отрывка, переведенного Жуковским, видится в примирении Ирана с Тураном через глубокое страдание Рустема после убийства Зораба. В книге десятой, главе V Рустем, обращаясь к брату Зевару, говорит:

«Иди, Зевар, и от меня

Турану мир с Ираном объяви» (Жуковский 2010. 287).

Философская проблематика произведения Жуковского во многом связана с трактовкой образа судьбы. С одной стороны, судьба осмысляется здесь как высшее предопределение, как воля небес, которую никто изменить не в силах. Об этом говорят звезды, с «благоволеньем» смотрящие на Зораба:

«Как жаль, что этот цвет

Так скоро, скоро должен

Увянуть! <…>

Его, быть может, завтра

Придет схватить судьбина» (Жуковский 2010. 227).

Об этом же, обращаясь к Рустему, говорит умирающий Зораб:

«Не ты, не ты меня убил;
В утробе матери на то
Я был звездами предназначен» (Жуковский 2010. 277).

Ему вторит и шах Кйкавус:

«… Но мог ли кто из нас
Подумать и во сне,
Что б был он сын Рустема,
Судьбой назначенный погибнуть
В Иране от руки отца?» (Жуковский 2010. 285).

С другой стороны, судьба получает здесь и экзистенциальное осмысление как осознаваемое Рустемом возмездие за его гордость. В переводе Жуковского в словах этого героя о себе раскрывается его личное духовное прозрение:

«Я возмечтал до неба вознестися –
И было мне, в урок смиренья, небом
Ниспослано сыноубийство» (Жуковский 2010. 281).

Исключительную роль и в оригинальном тексте, и в текстах-посредниках, и в переводе Жуковского играет диалог героев. Диалог воспринимается здесь и как структурный элемент сюжетной и нарративной динамики текста, и как средство характеристики персонажей, и как возможность раскрытия их внутреннего состояния, и как способ осознания ими своей личностной, социальной, культурной и национальной идентичности. Перевод Жуковского отличается повышенным вниманием автора к изображению «внутреннего человека», который описывается не только через диалоги, но и монологи, психологические портреты и рефлексию главных персонажей. Например, таким предстает описание внешнего облика Зораба во второй книге:

… все блистало
В нем мужеством и красотою:
Глубокотемные глаза,
Румянец пламенный на свежих
Щеках, широкие плеча, крутая грудь,
Железножилистые руки,
И ноги крепкие, как кедры (Жуковский 2010. 172).

В этом отрывке дается идеальный облик героя, который представлен через соединение в нем «мужества и красоты». В словосочетании «румянец пламенный» эпитет «пламенный» привносит в текст признак удвоения цвета, сложные эпитеты («глубокотемные», «железножилистые») передают глубину души и одновременно физической мощи Зораба, на его внешнюю силу указывает и встречающееся здесь сравнение: «ноги крепкие, как кедры».

Ярким образцом внутренней речи в переводе Жуковского могут служить мысли Барумана, который, по приказу туранского царя Афразиаба должен был посеять вражду между отцом и сыном и не дать им воссоединиться. Передавая Зорабу письмо Афразиаба, Баруман про себя думает о нем:

«О ты, прекрасная звезда,
Тебе сиять бы в чистом небе,
Не заходя, не померкая;
Достоин ты, мой светлый воин,
Чтоб был орлиный твой полет
Советом мудрости направлен,
А не предательством змеиным» (Жуковский 2010. 181).

Здесь сравнение героя со звездой имеет принципиальное значение. В иранской мифологии звезды играют важную роль в космологических

представлениях. Находясь среди всех небесных светил ближе всего к земле, звезды уподоблялись благим мыслям, луна же соотносилась с благими словами, солнце – с благими делами, а «высшая сфера принадлежала бесконечному свету – Ахурамазде» (Брагинский 1997. 562).

Поэтика данного перевода включает в себя также повторы как выражение нарративных стратегий эпического повествования, передающих его ритм и динамику, раскрывающих основные сюжетные линии произведения, формирующих семантико-композиционные центры повествования. Таковы, например, функции повтора эпизода, предшествующего похищению коня Рустема и соединяющего главы I и II первой книги. Ср.:

А конь его, могучий Гром,
Тем временем, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался;

Но вот, покуда спал
Глубоким сном Рустем,
А Гром по бархатному полю
Гулял, травой медвяною питаясь… (Жуковский 2010. 163).

В переводе важна и система нанизываемых метафор, характеризующих главных героев, она же является и знаком принадлежности эпического стиля. Например, в письме Кейкавуса присутствует целый ряд таких метафор, относящихся к Рустему:

«Итак, зову тебя, Рустем,
Венец, убранство, щит царя,
Спасительная пристань царства,

Твердыня трона, войска слава,

Ирана жизнь, Турана смерть» (Жуковский 2010. 202).

Зораб же описывается через такие сравнения и метафоры: «прекрасный, как месяц», «могуч, как лев», «дивное созданье», «достойный сын Рустема», «дедов знаменитый внук», «прекрасный воин», «милая праздника звезда», «пальма красоты», «невольник любви». Данные определения передают всестороннюю характеристику персонажей, указывают их место в системе действующих лиц, раскрывают точку зрения автора на героя, формируют ценностное ядро героического эпоса.

Конструктивную роль в переводе играет параллелизм отдельных сюжетных мотивов и ситуаций, раскрывающий общие законы мироздания, действующие в истории, в социуме, в человеческой жизни и в природе, а также акцентирующий внимание на эпической природе данного художественного текста. Так, в нем основной оказывается тема отцов и детей, которая представлена прежде всего через отношения отца и сына, в частности, Рустема и Зораба, персидского царя Кейкавуса и его сына Ферабора, приближенного Кейкавуса Гудерса, отца восьмидесяти сыновей, в числе которых был и Хеджир, находившийся в плену у Зораба. Также в поэме важна и тема отца и дочери, связанная с шахом Семенгама и его дочерью Теминой, женой Рустема и матерью Зораба, Гездехемом, правителем Белого замка, и его дочерью Гурдаферид, в которую влюблен Зораб. В природном мире эти отношения преломляются через изображение коня Рустема Грома и рожденного от него сына, которым владеет Зораб. В этой связи значимым оказывается мотив узнавания конями друг друга перед первой битвой Рустема с Зорабом и симметричный ему мотив неузнавания отцом сына и сыном отца. Жуковский пишет:

Завидевши один другого, оба

Заржали громко пламенные кони,

Рустемов Гром и конь Зорабов,
Сын Грома… <…>
… как родные
Они приветственным друг друга ржаньем
Окликнули… О горе! Неразумным
Зверям был внятен голос крови,
А в глубину души отца и сына
Он не проник… (Жуковский 2010. 246-247).

Параллельными оказываются в переводе три поединка отца с сыном; три письма: письмо туранского царя Афразиаба к Зорабу о походе на Иран, письмо Гездехема к иранскому царю Кейкавусу об осаде войском Зораба Белого замка, письмо Кейкавуса к Рустему с призывом сразиться с туранцами; три пира: брачный пир Рустема в Семенгаме, пир Рустема с его зятем Гефом в Сабулстане, пир Зораба в Белом замке перед сражением; три сна: сон Темины, в котором она видит сына на пиру в Белом замке и Рустема, переодетого туранцем и присутствующего там, сон Рустема о сыне, о котором он рассказывает Гефу, сон Зораба о встрече с отцом. Важно отметить, что в этих снах в скрытом виде присутствуют альтернативные сюжетные линии, одна из которых связана с узнаванием отцом и сыном друг друга и мирным воссоединением их. Эта линия присутствует в сне Темины, о котором говорится следующее:

И матери привиделся прекрасный,
Как утро, светлый сон; <…>
Ей стало весело, что к сыну
Отец так близко и что он,
Свою узнав повязку,
Из мрака выйдет и ему
С любовию протянет руку (Жуковский 2010. 228, 229).

Другая альтернативная сюжетная линия присутствует в сне Зораба перед вторым поединком с отцом. Она предполагает отказ сына от боя с Рустемом и примирение их. Зораб рассказывает Баруману об этом сне:

«… но в эту ночь
Я видел сон… я видел, что лежу
В его объятиях, так нежно,
Так весело, с такой любовью детской……
Нет! Не могу и не хочу с ним биться. <…>
… Баруман, спаси
Меня; не дай мне быть отцеубийцей
На ужас всей земле» (Жуковский 2010. 260).

Для текста Жуковского характерно использование сложных эпитетов как отражение эпической природы переводимого произведения и как явление индивидуального стиля переводчика. Среди них встречаются такие эпитеты, как «широкотенная чинара», «глубокотемные глаза», «многославный Рустем», «душеусладное вино», «речь приветнонежная», «всеоживляющая весна». Русский поэт, работая в это время над переводом «Одиссеи» Гомера, тоже часто использует такого рода эпитеты.

Можно сказать, что в целом Жуковский в своем переводе следует тексту Рюккерта, а Рюккерт, в свою очередь, переводит этот эпизод близко к оригиналу. Следует однако отметить, что Жуковский несколько сократил текст Рюккерта. В поэме Фирдоуси данный эпизод включает в себя вступление и повествование, в котором содержится 21 книга. В переводе Рюккерта имеется 12 книг и 118 глав, в переводе Жуковского – 10 книг и 97 глав. Текст на немецком языке, с которого Жуковский делал перевод, содержит его многочисленные пометы, сделанные карандашом: отчеркивания на полях прямой и волнистой линией, выделение шести стихов в 101 главе,

использование крестообразного знака в 14 главах, надпись на немецком языке после 116 главы. Русский поэт вначале перевел, в затем вычеркнул в тексте белового автографа шесть фрагментов: письмо туранского царя Афразиаба Зорабу, доставленное ему Баруманом, из второй книги; речь Барумана, обращенная к Зорабу накануне осады Белого замка, разговор Зораба с Хеджиром и наставление Барумана Зорабу после взятия Белого замка из третьей книги; внутренний монолог Рустема и разговоры вельмож после ссоры Рустема с Кейкавусом из четвертой книги. Все вычеркнутые Жуковским отрывки – это «чужая» речь героев, которая несколько замедляет повествование. Он убрал эти эпизоды для того, чтобы динамизировать текст, сделать его более событийным (Матяш 1978. 127).

У Фирдоуси Ростем после убийства Сохраба продолжает свои подвиги во славу Ирана, для Рюккерта же и Жуковского этот эпизод «имеет самостоятельное значение, гибель Зораба знаменует собою и конец Рустема» (Гликман, Измайлов 1980. 569). Жуковский говорит о внутренней драме этого героя:

> «В пустыне, самого себя
> Хочу размыкать я и змéя —
> Грызущее мне душу горе —
> Убить. То будет мой последний,
> Мой самый трудный подвиг…» (Жуковский 2010. 295).

Также русский поэт ввел в «персидскую повесть» новые эпизоды: это появление Гурдаферид перед телом умершего Зораба и прощание коня Зораба со своим хозяином в книге десятой. Явление Гурдаферид, «белого образа», возникшего из «бледной пустоты», вызывает аллюзии на такие известные стихотворения Жуковского, как «К мимопролетевшему знакомому гению» (1819), «Лалла Рук» (1821), «Привидение» (1823), «Таинственный посетитель»

(1824). Прощание же коня с Зорабом вписывается в контекст русских народных сказок («Сивка-Бурка») и былин (былины об Илье Муромце), в которых конь выполняет роль волшебного помощника героя, соотносится с описаниями богатырского коня в сказках самого Жуковского: в «Сказке о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери» (1831) и в «Сказке о Иване-царевиче и Сером Волке» (1845), порождает ассоциации со стихотворением Жуковского «Песнь араба над могилою коня» (1810) и с балладой Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (1822). В поэме Фирдоуси с конем Сухраба прощается его мать Тахмина:

> К коню Сухраба подошла она,
> Коня за шею обняла она
> И в грудь его, и в морду целовала (Фирдоуси 1980. 229),

у Жуковского – конь прощается со своим хозяином. Рустем

> … заплакал взрыд,
> Когда коня без седока
> Перед собой увидел. Полы
> Шатра отдернув,
> На господина мертвого коню
> Он указал. В шатер взглянувши быстро,
> Могучий конь оторопел,
> Его поникла голова
> И до земли упала грива.
> Обеими руками
> Обнявши голову его, Рустем
> Ее поцеловал, потом

Коню, сложив с него узду,
Сказал: «Отныне никому
Ты не служи, Зорабов конь;
Ты волен» (Жуковский 2010. 291).

Важно также отметить, что в переводе Жуковский изменяет и имя коня Рустема. Русский поэт дает ему Гром, у Фердоуси он носит имя Рахш, у Рюккерта – Rachs.

Данный эпизод в поэме «Шах-наме» оканчивается книгой под названием: «Мать Сухроба Тахмина узнает о смерти своего сына». У Фирдоуси мать героя умирает через год после смерти сына. Рюккерт в переводе сокращает этот эпизод, а Жуковский, используя прием умолчания, дает понять читателю через привезенную обратно повязку его братом Зеваром, что героини уже нет в живых.

Новаторство Жуковского также видится и в том, что его перевод-переложение выполнен белым (нерифмованным) разностопным ямбом, приближающим его к ритмизованной прозе. В оригинале же используется широко распространенный в персидской поэзии размер мутакариб, героико-эпическое двустишие с парной рифмовкой. Рюккерт же обращается в переводе к двустишиям (реже к трехстишиям), написанным шестистопном ямбом (александрийским стихом) с парной (иногда тройной) рифмовкой со свободным чередованием мужских и женских двустиший (Гликман, Измайлов 1980. 568). В этом немецкий переводчик оказывается близок к стиху поэмы Фирдоуси. Появление «Рустема и Зораба» Жуковского стало «большим литературным событием» в отечественной литературе, этот перевод «был в течение почти целого века главным источником знакомства русского читателя с «Шах-наме» (Брагинский 1972. 266).

Заключение

Итак, созданное в результате транскультурной коммуникации, это произведение участвует в формировании особого «переходного» пространства, которое создается через персидско-немецкие и персидско-немецко-русские литературные взаимосвязи. Это пространство рождается в результате «множественного» перевода: прозаического перевода поэмы Фирдоуси с языка фарси на немецкий язык Гёрресем, стихотворного перевода фрагмента «Рустам и Сухраб» на немецкий язык Рюккертом, стихотворного перевода Жуковским того же фрагмента под названием «Рустем и Зораб» с немецкого перевода Рюккерта на русский язык. При транскультурном диалоге происходит не просто удвоение компонентов коммуникации, как в случае двустороннего перевода, а их кратное увеличение в зависимости от количества текстов-посредников. В данном случае перед нами четыре текста: оригинальный текст Фирдоуси на языке фарси, два текста-посредника на немецком языке: Гёрреса и Рюккерта и переводной текст Жуковского на русском языке. Соответственно можно говорить о продуктивном взаимодействии четырех авторов, трех читателей-переводчиков, трех языков и трех культур: ирано-таджикской, немецкой и русской.

Литературы

1- *Библиотека Жуковского. Описание.* (1981). Томск: Изд-во Томского университета, 416 с.

2- Бестужев-Марлинский А.А. (1983). *«Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV века» //* «*Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов*, Москва: «Современник», С. 67-111.

3- Брагинский И.С. (1972). *Из истории персидской и таджикской литератур,* Москва: «Наука», 524 с.

4- Брагинский И.С. (1997). *Иранская мифология, Мифы народов мира: в 2 томах, Том 1,* Москва: «Большая Российская энциклопедия», С. 560-565.

5- Гафуров Б.Г. (1980). *Фирдоуси – слава и гордость мировой культуры*, *Фирдоуси. Шах-наме; Сказание о Рустаме / Пер. с фарси-тадж. В.В. Державина*, Москва: «Художественная литература», С. 5-14.

6- Гликман И.Д., Измайлов Н.В. (1980). *Комментарии, Жуковский В.А., Сочинения: в 3 томах. Том 3.* Москва: «Художественная литература», С. 567-569.

7- Жуковский В.А. (2010). *Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах, Том 5,* Москва: «Языки славянских культур», 432 с.

8- Кюхельбекер В.К. (1979). *Путешествие. Дневник. Статьи,* Ленинград: «Наука», 793 с.

9- Матяш С.А. (1978). *Неопубликованные главы поэмы В.А. Жуковского «Рустем и Зораб», Русская литература, № 3*, С. 125-131.

10- Михайлов А.В. (2000). *Йозеф Гёррес. Эстетические и литературно-критические опыты романтического мыслителя, Обратный перевод*, Москва: «Языки русской культуры», С. 222-246.

11- *Переписка А.С. Пушкина*: *в 2 томах* (1982). *Том 2,* Москва: «Художественная литература», 575 с.

12- Пучковская А.А., Третьяков А.О. (2018). *Транскультурные коммуникативные практики: переосмысление понятия «переходность», Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*, 2018, № 1 (34), Санкт-Петербург: СПГУКИ, С. 30-34.

13- *Отрывки персидской поэзии* (1815). *Вестник Европы,* 1815, № 10, Москва: Университетская типография, С.89-99.

14- Рахманов Б.Р. (2018). *Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века. Автореферат ... д-ра филол. наук*, Душанбе: Российско-таджикского (славянского) университета, 50 с.

15- Стариков А.А. (1957). *Фирдоуси и его поэма «Шахнаме», Фирдоуси, Шахнаме, Том 1*. Москва: «АН СССР», С. 479-592.

16- Фирдоуси А.К. (1980). *Шах-наме; Сказание о Рустаме / Пер. с фарси-тадж. В.В. Державина*, Москва: «Художественная литература», 477 с.

17- Янушкевич А.С. (2010). *Путь Жуковского к «Эпическим стихотворениям»*, *Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах, Том 5*, Москва: «Языки славянских культур», С. 297-310.

18- Rückert, F. (1838). *Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Buchern*. Erlangen: Th. Biasing («Ростем и Сухраб, героическое повествование в двенадцати книгах»).

Bibliography

1- *Biblioteka Zhukovskogo. Opisanie*. (1981). Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 416 s.

2- Bestuzhev-Marlinskii A.A. (1983). *«Kliatva pri grobe Gospodnem. Russkaia byl' XV veka» // «Ikh vechen s vol'nost'iu soiuz»: Literaturnaia kritika i publitsistika dekabristov*, Moskva: «Sovremennik», S. 67-111.

3- Braginskii I.S. (1972). *Iz istorii persidskoi i tadzhikskoi literatur*, Moskva: «Nauka», 524 s.

4- Braginskii I.S. (1997). *Iranskaia mifologiia, Mify narodov mira: v 2 tomakh, Tom 1*, Moskva: «Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia», S. 560-565.

5- Gafurov B.G. (1980). *Firdousi – slava i gordost' mirovoi kul'tury, Firdousi. Shakh-name; Skazanie o Rustame / Per. s farsi-tadzh. V.V. Derzhavina*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura», S. 5-14.

6- Glikman I.D., Izmailov N.V. (1980). *Kommentarii, Zhukovskii V.A., Sochineniia: v 3 tomakh. Tom 3*. Moskva: «Khudozhestvennaia literatura», S. 567-569.

7- Zhukovskii V.A. (2010). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomakh, Tom 5*, Moskva: «Iazyki slavianskikh kul'tur», 432 s.

8- Kiukhel'beker V.K. (1979). *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i*, Leningrad: «Nauka», 793 s.

9- Matiash S.A. (1978). *Neopublikovannye glavy poemy V.A. Zhukovskogo «Rustem i Zorab», Russkaia literatura*, № 3, S. 125-131.

10- Mikhailov A.V. (2000). *Iozef Gerres. Esteticheskie i literaturno-kriticheskie opyty romanticheskogo myslitelia, Obratnyi perevod*, Moskva: «Iazyki russkoi kul'tury», S. 222-246.

11- *Perepiska A.S. Pushkina: v 2 tomakh* (1982). Tom 2, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura», 575 s.

12- Puchkovskaia A.A., Tret'iakov A.O. (2018). *Transkul'turnye kommunikativnye praktiki: pereosmyslenie poniatiia «perekhodnost'», Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2018, № 1 (34), Sankt-Peterburg: SPGUKI, S. 30-34.

13- *Otryvki persidskoi poezii* (1815). Vestnik Evropy, 1815, № 10, Moskva: Universitetskaia tipografiia, S.89-99.

14- Rakhmanov B.R. (2018). *Persidsko-tadzhikskaia literatura v kontekste russko-vostochnykh literaturnykh sviazei pervoi treti XIX veka. Avtoreferat ... d-ra filol. nauk*, Dushanbe: Rossiisko-tadzhikskogo (slavianskogo) universiteta, 50 s.

15- Starikov A.A. (1957). *Firdousi i ego poema «Shakhname», Firdousi, Shakhname, Tom 1*. Moskva: «AN SSSR», S. 479-592.

16- Firdousi A.K. (1980). *Shakh-name; Skazanie o Rustame / Per. s farsi-tadzh. V.V. Derzhavina*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura», 477 s.

17- Ianushkevich A.S. (2010). *Put' Zhukovskogo k «Epicheskim stikhotvoreniiam», Zhukovskii V.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomakh, Tom 5*, Moskva: «Iazyki slavianskikh kul'tur», S. 297-310.

18- Rückert, F. (1838). *Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Buchern.* Erlangen: Th. Biasing («Rostem i Sukhrab, geroicheskoe povestvovanie v dvenadtsati knigakh»).

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Poplavskaya Irina Anatolyevna (2025). TRANSLATION OF "RUSTAM AND ZOHRAB" BY VASILY ZHUKOVSKY AS A PHENOMENON OF TRANSCULTURAL COMMUNICATION. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 89-109.
DOI: 10.66224/iarll.25.5
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/336

ترجمهٔ «رستم و سهراب» از ژوکوفسکی، پدیده‌ای از ارتباطات فرافرهنگی

ایرینا آناتولی‌یونا پاپروفسکایا[1]*
استاد دانشگاه دولتی تومسک،
تومسک، روسیه

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

مفهوم ارتباطات فرافرهنگی در مفهوم خارج گشتن از مرزهای یک فرهنگ و شکل‌گیری فضایی «انتقالی» ویژه است که در آن فرهنگ‌های ملی مختلف، انواع هنر گوناگون و متن به زبان‌های خارجی مشاهده می‌شوند. در نتیجه، میدانی چند فرهنگی شکل می‌گیرد که در آن شخصیت ضمن اینکه خودویژگی خود را از دست نمی‌دهد، برای تأثیر شیوه‌های فرهنگی متنوع در دسترس و آشکار است. ترجمه «رستم و سهراب» حماسهٔ «شاهنامه» فردوسی از ژوکوفسکی که در سال‌های ۱۸٤۷–۱۸٤٦ انجام گرفته است، در روند ارتباطات فرافرهنگی متولد می‌گردد. کار بر روی این ترجمه شامل چندین مرحله بوده است. آشناشدن کلی شاعر روس با مضمون حماسه پارسی در نقل داستان به زبان آلمانی که توسط منتقد و روزنامه نگار یوزف گورس (Gorres J.J. Das Heldenbuch von Iran aus dem Schah Nameh des Firdussi. Berlin. Reimer, 1820) صورت گرفته است. خوانش قطعه «رستم و سهراب» به زبان آلمانی که به صورت شعر توسط فریدریش روکرت (Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Buchern von Friedrich Riickert. Erlangen, Th. Biasing, 1838) انجام گرفته است. این کتاب همراه با یادداشت‌های متعدد شاعر، در کتابخانهٔ وی نگاهداری می‌شده است. ترجمه ژوکوفسکی از «رستم و سهراب» تقلیدی آزاد از روکرت محسوب می‌شود. در این ترجمه، صحنه مرکزی، تصویر رویارویی پدر و پسر است. ژوکوفسکی در این ترجمه، به الهام پرشور حماسی منظومه روکرت شدت بخشیده و در آن شخصیتی زنده از قهرمان حماسی با تصویرسازی مردی در فرمانروایی عالی را نمایش داده است. شاعر روس صحنه‌های جدیدی را وارد ترجمه کرده است که عبارتند از: ظهور دوشیزه گردآفرید بر سهراب در حال مرگ و وداع اسب سهراب با او. در این بخش‌ها، ژوکوفسکی با شدت بسیار بر نمونه‌ها و پی‌رنگ‌های پیشرو در غزل رمانتیک خود و سنت داستان‌های مردمی روسیه تکیه دارد. ترجمهٔ «رستم و سهراب» از ژوکوفسکی، ترجمه‌ای فرافرهنگی است که بر پایه حماسه پارسی فردوسی و از طریق زبان آلمانی توسط وی درک گردیده است. منبع آلمانی این حماسه، مبنا و اساسی برای ترجمه روسی گردیده است.

واژگان کلیدی: شعر فارسی، ژوکوفسکی، ارتباطات فرافرهنگی، ترجمه، رستم و سهراب.

---

* نویسنده مسئول
1. E-mail: lady-plvs@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-1918-2866

نوع مقاله: علمی- پژوهشی